

П.А. Чугуевец

О русской народной культуре

**Этнографические рассказы и
заметки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
П11

П11 **П.А. Чугуевец**
О русской народной культуре: Этнографические рассказы и заметки / П.А.
Чугуевец – М.: Книга по Требованию, 2016. – 138 с.

ISBN 978-5-518-07322-7

Содержание:

- 1) В чем счастье?
- 2) В ночь под Ивана-Купала.
- 3) Святой вечер.
- 4) Шельменки и простак.
- 5) Культура и деревенская жизнь.
- 6) Прогресс простонародной жизни.
- 7) Слова и иллюзия гибнут, факты остаются.

ISBN 978-5-518-07322-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И такую-то убогую фигуру имѣлъ народный пѣвецъ, „глаголомъ жегшіи сердца людей“, представитель тѣхъ пѣснетворцевъ, широе слово которыхъ оставило по себѣ „перукотворный памятникъ“ на поученіе потомкамъ.

. — Живы ихъ пѣсни, живы ихъ народныи чувства и мысли, сокрытыи въ нихъ, но, увы, безпощадный, всеизмѣняющій ходъ времени стеръ ихъ самихъ съ лица земли,—показывая, что и для самобытной, народной жизни справедлива міровая поговорка. „tempora mutantur et nos mutamur“ . Еще лѣтъ 20—30 назадъ раздавалось по селамъ и хуторамъ живое, поэтическое слово кобзарей про

Дѣла давно мицувшихъ дней,
Преданія старины глубокой. . . .

Но теперь ихъ образное, живое слово хранится лишь въ сотняхъ пѣсенъ. — этихъ объективно-поэтическихъ образцахъ самобытно - народного эпоса, слагавшихся также просто и безыскусственно, какъ и породившая ихъ жизнь. . . Къ сожалѣнію, эти пѣсни далеко еще не всѣ знакомы съ печатнымъ станкомъ „мертвой страницы“,—потому что очень часто приходится наталкиваться не только на новые варианты старыхъ пѣсенъ, но и на новые оригиналы ихъ, а стало-быть нашъ народный эпосъ, какъ и многое другое въ отношеніи культуры народной жизни, далеко еще не полностью изучены. Что-же касается самихъ кобзарей, то о нихъ мало можно услышать даже отъ старожиловъ деревни, такъ какъ-то неблагоприятно стало для нихъ время. Впрочемъ, правду надо сказать, что и въ деревнѣ теперь на подобіе города, проза

жизни всюду вытѣсняетъ поэзію жизни. И деревенская, крестьянская молодежь, отвлекаемая суровыми заботами прозаической жизни, плохо знаетъ кобзарей даже по наслышкѣ. Деревенскія дѣвушки оказываются въ этихъ случаяхъ болѣе добропамятными: они знаютъ кобзарей по крайней мѣрѣ по тѣмъ пѣснямъ, что и до днесь звучатъ въ ночь темную по селамъ и хуторамъ,—вырываясь изъ дѣвической груди или съ горя, или отъ радости. . . Мужская же часть деревенской молодежи поетъ рѣже и пѣсенъ знаетъ меньше. Къ сожалѣнію, вообще надо признаться, что „пѣвучая и пляшущая Малороссія“, какъ окрестилъ ее нашъ народный поэтъ, стала забывать о прелести своей народной Музы. Особенно—фабрично-заводскіе ея уголки:—здѣсь и „романики“, и „оперетку“ можно услышать. . . .

Но въ глубокую старину, когда слагался нашъ типичный патриархальный складъ народной жизни, въ самое ея первобытное время, власть надъ чувствомъ и умомъ народа вдохновенныхъ самобытныхъ пѣсенъ, вырывавшихся изъ сердца свѣточей народной жизни, была существенна,—какъ указываютъ намъ нѣкоторыя историческія данныя. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, по свидѣтельству Тацита, что въ первобытной Германіи народные барды оказывали вліяніе даже на форму правленія германскихъ племенъ. — „Этотъ оригинальный классъ людей,—говоритъ Гиббонъ,—вполнѣ заслуженно привлекалъ на себя вниманіе всякаго, кто изучалъ древности Кельтовъ, Скандинавовъ и Германцевъ“ — „Всѣмъ извѣстно, читаемъ далѣе,—какимъ они пользовались уваженіемъ, благодаря своему высокому призванію“.

При этомъ, не лишено будетъ интереса напомнить то удивленіе, которое высказываетъ Гиббонъ, стоя на точкѣ зрѣнія поклонника блестящаго періода цивилизаціи Римской Имперіи, предъ тѣмъ фактомъ, что у варваровъ придавали черезъ чуръ серьезное значеніе „любви къ поэзіи“,—но вотъ слова самого Гиббона:—„У цивилизованныхъ народовъ любовь къ поэзіи служитъ скорѣе *развлеченіемъ для фантазіи, нежели пищей для душевныхъ страстей*“, *) какъ это было у варваровъ, сломавшихъ окончательно подточенное развратомъ зданіе утонченной римской цивилизаціи, утопившей безвозвратно свой творческій геній въ рабскомъ подчиненіи страстямъ къ роскоши и нѣгѣ эпикуреистическаго матеріализма:—„Этотъ вѣкъ безстрастія не произвелъ ни одного гениальнаго писателя“, читаемъ у Гиббона же. И далѣе:—„Красоты произведеній поэзіи и ораторскаго искусства вмѣсто того, чтобъ возбуждать въ душѣ читателя такой же пылъ, какимъ они сами были одушевлены, вызывали лишь холодныя и рабскія подражанія“. —„Названіе поэта было почти позабыто. а названіе оратора не справедливо присвоили себѣ софисты. Масса критиковъ, компиляторовъ и комментаторовъ затемнила сферу знаній, а за упадкомъ генія скоро послѣдовала и испорченность вкуса“ **) И что всего поучительнѣе для переживаемаго времени это—то, что это разложеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ совершалось *ragi passu* съ фактомъ популяризаціи матеріалистической философіи:—„Богатые и образованные итальянцы, почти

*) „Ист. упад. и разр. Римс. Имперіи“, ч. 1, стр. 307.

**) Ibidem, стр. 78—79.

всѣ безъ исключенія придерживавшіеся философіи Эпикура, наслаждались благами удобной и спокойной жизни и вовсе не желали, чтобъ ихъ сладкое усыпленіе было прервано“ . .*) Такъ же было въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., т. е. во время благоденствія Римской Имперіи, въ „вѣкѣ Антониновъ“. Но у свирѣпыхъ сѣверныхъ гигантовъ „любовь къ поэзи“ въ это же время была „пищей для душевныхъ страстей“, или, говоря словами нашего великаго поэта, она „глаголомъ жгла сердца людей“. И это глубокое значеніе поэзи еще болѣе выростаетъ въ глазахъ изслѣдователей первобытныхъ культуръ. Такъ напримѣръ, по отношенію къ исторіи человѣческой культуры, „заслуживаетъ вниманія,—читаемъ въ „Исторіи материализма“ *Ланге*,—одно обстоятельство, которое, по видимому, находится въ существенной связи съ первыми началами специфически человѣческой жизни; это—появленіе *чувства красоты* и извѣстныхъ зачатковъ искусства во времена, въ которыя человѣкъ явно жилъ еще въ дикой борбѣ съ большими хищными животными, и съ трудомъ поддерживалъ свое существованіе, полное ужасовъ и случайностей самаго разрушающаго свойства“. И нѣсколько далѣе, тамъ же читаемъ:—„Мы имѣемъ здѣсь замѣчательное подтвержденіе мысли, которую Шиллеръ изложилъ въ своихъ „Художникахъ“: ибо, если мы представимъ себѣ дикую страстность первобытнаго человѣка, то въ противоположность къ ней, врядъ ли имѣемъ какой либо другой источникъ воспитывающихъ и возвышающихъ идей, кромѣ общества и чувства красоты. Этимъ невольно

*) Ibidem, стр. 83.

напоминается.—говорить въ заключеніе Ланге,—извѣст-
ный вопросъ, что прежде—*пыль*, или *говорилъ* человѣкъ?“
И съ этой точки зрѣнія во всей силѣ вырастаетъ зна-
ченіе „искры поэтическаго творчества“, съ упадкомъ
который человѣкъ дичаетъ:—„Каждому человѣку. же-
лающему отличиться отъ прочихъ животныхъ,—гово-
рилъ, нѣсколько десятковъ столѣтій тому назадъ, Сал-
люстій,—надобно стараться всѣми силами, чтобы не
провести жизни своей въ забвеніи и не уподобиться
скотамъ, въ которыхъ дѣйствуютъ одни низкія побуж-
денія“ *). Но, къ сожалѣнію, исторія показываетъ намъ
такія эпохи времени, когда всплываютъ на поверхность
преимущественно „одни низкія побужденія“, стирая
собой на время идеальныя стремленія къ „поэзій въ
жизни“, такъ сказать. . . На нѣчто подобное даетъ
намъ намеки и настоящее время. . . Но ненадо забы-
вать, что эти наносныя наслоенія не составляютъ ко-
ренной сущности. которая таится подъ ними. Тѣмъ
болѣе грустно, когда смѣшиваютъ эти переходныя на-
слоенія съ основами нашей народной жизни. замѣчая ея
одни такъ сказать „скотскія низкія побужденія“ и закры-
вая глаза передъ положительной ея сущностью. Конечно.
незачѣмъ скрывать, что въ патриархальную, чистую
жизнь влилась грязная струя при посредствѣ всякихъ
сортвъ „Разубаевыхъ“, веусившихъ отъ плодовъ трак-
тирной цивилизаціи. И болѣе того, эти то „цибулизо-
ванныя“ живоглоты, да ихъ приспѣшники и составляютъ,
такъ сказать, „ферментъ“ всевозможныхъ отрицатель-
наго свойства, новшествъ:—отставъ отъ одного берега

*) Саллюстій. „Исторія заговора Катилины“. стр. 1.

и не приставъ къ другому, эти „перевертни“—составляютъ тѣхъ новаторовъ, которые вносятъ въ народную жизнь невѣжество, турнюры и развратъ. Но смѣливать представителей „скотскихъ побужденій“ переходнаго наслоенія съ сущностью народной жизни нѣтъ резонно:—эти хищники скорѣе кость отъ кости и плоть отъ плоти „интернаціональнаго“ хищничества, образчики котораго можно найти вездѣ и всегда. И коренное понятіе „крестьянствовать“ все по прежнему означаетъ жизнь. гдѣ и доселѣ живутъ старыя добродѣтели. составляющія крѣпость, сплу и мощь народной жизни. Эти добродѣтели искони придавали особую энергію самобытнымъ народамъ и развивали въ нихъ „вѣрность, мужество, гостепріимство и услужливость“. какъ характеризуетъ первобытныя и самобытныя племена древнихъ германцевъ Тацитъ. Если прибавить къ перечисленному ряду „варварскихъ добродѣтелей“ регулярный трудъ суроваго чисто хлѣборобскаго образа жизни. да накинуть еще одно качество народной души, ясно выраженное въ слѣдующей строчкѣ изъ народной пѣсни—

„. . послужи Богу и Царю!“ *)

—то предъ нашими глазами предстаетъ та „народная единица“, изъ которой сложился русскій народъ, въ его мощномъ современномъ видѣ. И эти могучія, свѣжія, вѣчно юныя черты души живутъ въ русскомъ народѣ крѣпко, прочно, несмотря на всякія наслоенія и, вопреки имъ, составляющія залогъ будущаго еще большаго величія.

*) См. 49 стр. „Малорусскія бытовныя пѣсни“. Очерки Павла Чугуевца.

И по мѣрѣ отрѣшенія отъ извѣстнаго рода предразсудковъ, заставлявшихъ смотрѣть на нашъ народъ, съ одной стороны, какъ на стадо дикарей, не способныхъ ни чувствовать, ни мыслить въ своей животной грубости и беспросвѣтномъ невѣжествѣ,—а съ другой заставляя считать всѣ противоположныя сему мнѣнія пустымъ декламаторствомъ, разукрашивающимъ добродѣтелями нѣчто несуществующее въ дѣйствительности,—безпристрастное изученіе культурныхъ чертъ народной жизни, въ ея чистѣйшихъ проявленіяхъ, кромѣ отрезвляющаго дѣйствія своимъ идеаламъ, показываетъ намъ и самую народную жизнь въ краскахъ на столько положительнаго свойства, что по нынѣшнему времени она можетъ пролить надлежащій свѣтъ на многіе вопросы, замыкающіеся въ заколдованный кругъ. . . Конечно, прежде всего надо имѣть въ виду, что на тихой и мирной нивѣ крестьянски-народной жизни (какъ въ старину, такъ особенно теперь), мы не можемъ встрѣтить ни блеска, ни мишуры, бьющихъ на пустой эффектъ. . . Здѣсь жизнь течетъ, хотя и въ глубокомъ, и крѣпкомъ руслѣ, но просто безъ треска и шива—въ суровомъ, изо дня въ день, трудѣ, для нѣги и роскоши не дающихъ почвы. И въ особенности въ переживаемое нами время на народно-крестьянской нивѣ жизнь улеглась въ крѣпкую колею, бурные элементы прошлаго отжили свой вѣкъ, испаряясь даже изъ народной памяти современныхъ поколѣній. . . . Пожалуй даже, нѣтъ въ современной народной жизни и той „романтической“ струйки, которая формировала забубенныхъ удалыхъ молодцевъ, да воспѣтыхъ въ „искусственной“ поэзіи всякихъ красавицъ,

„Катрусь“, „Марусь“, „Ганусь“ и какъ еще?—красавицъ, своею нѣжною сентиментальностью скорѣе напоминающихъ „бѣдныхъ Лизъ“, чѣмъ самобытныхъ крестьянокъ, выросшихъ въ суровой школѣ дѣйствительной крестьянской жизни. . . Можетъ быть, въ старину все это и было п жпло. но теперь объ этихъ „блесткахъ“—ни слуху, ни духу. . . Положимъ, время-то полиняло, что и говорить, а съ нимъ не одни только представители „культурнаго образа жизни“. . . Романтическій источникъ изсякъ какъ тамъ. такъ и здѣсь: герой вывелись, въ обыкновенномъ смыслѣ слова. . . Но въ томъ то и дѣло, что даже о современной народной жизни нельзя сказать, чтобы здѣсь совсѣмъ, какъ у насъ, изсякла романтическая струя, которая такъ красиво въ старину окрашивала собою теченіе жизни, отражаясь въ ней и нѣжностью, и задумчивостью и той поэтической красотой, что отразилась въ чудномъ лиризмѣ народной музыки. И еще—неволью бросается въ глаза то, что хотя блестики и стерлись въ историческомъ ходѣ народной жизни, хотя мишура и слезла, но и дряблость, но и сѣренькая пошлость съ своимъ нравственнымъ художествомъ не нашли себѣ мѣста въ коренной народной жизни, которая стала только суровѣе, прозаичнѣе. . . И съ этой стороны она заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія и изученія.

И такъ поэтичность изсякаетъ даже изъ народной жизни, но мѣрѣ того, какъ угасали ея пѣвцы и пѣснотворцы, эти „Гомеры“ *sui generis*,—угасали гдѣ нибудь въ самомъ укрономъ углу глубокой глуши. . . Но они оставили намъ образцы народнаго, самобытнаго

эпоса. который сохраняет въ чистомъ видѣ образы формъ патриархальной народной жизни. И какъ богатъ свитокъ этихъ самобытныхъ, безъискусственныхъ пѣсень. показываетъ уже ихъ только простой перечень. Но прежде чѣмъ мы его сдѣлаемъ,—приведемъ одну историческую справку, имѣющую существенное отношеніе къ занимающему насъ вопросу.—„Дайте мнѣ пѣсни народныя, и я по нимъ напишу законы для народа“, сказалъ одинъ англійскій писатель *). Эти слова—болѣе, чѣмъ краснорѣчивый афоризмъ. Напримѣръ, у воинственныхъ представителей военныхъ республикъ, какими были древніе германцы, ихъ барды воспѣвали воинственныя пѣсни, о славѣ древнихъ героевъ, воодушевляя ими воиновъ или передъ битвой, или во время ея,—подобно тому какъ воинственный пылъ внушенъ Тиртеемъ упавшимъ духомъ Спартанцамъ,—пѣли эти барды и на праздничныхъ обѣдахъ все же свои воинственныя пѣсни. которыя пѣвались ими также подлѣ труповъ умершихъ героевъ. Такимъ образомъ у представителей воинственнаго племени имѣлось три рода пѣсень, но всѣ одного и того же воинственнаго характера, и хотя „нѣкоторые историки утверждаютъ.—читаемъ у Гизо,—что германцы пѣли также на свадьбахъ, но мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что это было бы не согласно съ ихъ обычаями; такъ какъ у нихъ бракъ былъ ничто иное, какъ покупка жены. Впрочемъ можно указать только одинъ такой случай (т. е. когда пѣлись свадебныя пѣсни):—готскій король Атольфъ самъ пѣлъ брачный гимнъ. . . Впрочемъ этотъ бракъ былъ со-

*) См. этюдъ Карлейля о Борнсѣ.

вершонъ по римскимъ обрядамъ, въ составъ которыхъ входили пѣсни“ *).

Теперь, конечно, интересно взглянуть на то, о чемъ любилъ пѣть нашъ народъ. . . Вотъ перечень пѣсенъ самобытно-народной Музы:—1) историческія и казацкія пѣсни (соотвѣтственно слѣдовательно съ воинственными пѣснями древнихъ германскихъ племенъ),—2) чумацкія и бурлацкія, 3) косарскія, пахатныя, жнецовъ и имъ подобныя, обнимающія различные полевыя работы, 4) разбойницкія, 5) рекрутскія и солдатскія, 6) цѣлая свадебная эпопея, 7) святочныя пѣсни, колядки, щедривки, народіи, 8) купальныя (въ день на „Ивана Купала“), игральныя (хороводы и въ „ночь подъ Ивана Купала“), весняки, 9) лирическія и колыбельныя (это громадный отдѣлъ всевозможнаго рода задушевныхъ пѣсенъ).

Такимъ образомъ, изъ этого уже перечня видно что въ нашемъ народномъ эпосѣ отразилась народная жизнь чуть не во всѣхъ своихъ культурныхъ проявленіяхъ. Богатство народной поэзіи. въ ея количественномъ отношеніи, говоритъ само за себя. Что же касается качественной стороны ея, какъ въ смыслѣ содержанія такъ и его внѣшней формы, въ которой выливается наша народная пѣсня,—мы будемъ говорить особо, въ дальнѣйшемъ ея разборѣ. Но прежде обратимъ вниманіе еще на одинъ бытовой факторъ. который имѣлъ, хотя и косвенную, но причинную связь съ эстетическимъ творчествомъ нашего народа, именно насъ интересуетъ то возможное въ старину количество досуга, которое

*) Цитировано изъ одного комментарія Гизо къ Гиббону, 308 стр., ч. 1. „Ист. уп. и раз. Р. И.“.